

УДК 335.257.72(571.1) "19431/950"

О СПЕЦИФИКЕ АГЕНТУРНОЙ, ОПЕРАТИВНОЙ И СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ В ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ЛАГЕРЯХ НКВД-МВД СССР (1943-1950)

© 2010 Н.М. Маркдорф

Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета

Поступила в редакцию 29.04.2010

В рамках данной статьи на основе ранее не опубликованных архивных материалов (РГВА, ГА РФ, ИЦ ГУВД АК, ИЦ ГУВД КО, ИЦ ГУВД ТО) впервые дан анализ организации, специфики, значения оперативно-агентурной и следственной работы в лагерях, ОРБ, спецгоспиталях НКВД-МВД СССР Западной Сибири. Определены цели и задачи деятельности СМЕРШ и оперчекистских отделов в лагерях и спецгоспиталях НКВД-МВД СССР. Представлены сведения об антисоветских подпольных формированиях и группах военнопленных, призывающих к саботажу на производстве, занимающихся вредительством, склонных к экономическим преступлениям и побегам. Рассмотрены личные характеристики военнопленных агентов. Раскрыты причины неудач деятельности антифашистского движения в улучшении агентурной работы. Автор приходит к выводу, что с помощью активных агентурно-оперативных мероприятий в лагерях, спецгоспиталях, рабочих батальонах удалось предотвратить организацию нацистского подполья, о готовящихся побегах и диверсиях становилось известно заранее. Данные факторы, безусловно, способствовали укреплению режима и более эффективной организации трудового использования военнопленных в Западносибирском регионе. Ключевые слова: военнопленные, лагеря и спецгоспитали НКВД-МВД, Западная Сибирь, агентурная и оперативная деятельность, СМЕРШ, оперативный отдел, следственные дела, саботаж на производстве, антифашистский комитет.

Основными задачами оперативно-агентурной и следственной работы в лагерях, спецгоспиталях для военнопленных и интернированных в Западной Сибири НКВД-МВД СССР определял:

- Раскрытие в среде военнопленных и интернированных диверсионных и антисоветских подпольных формирований, террористических организаций и групп, призывающих к саботажу на производстве, занимающихся вредительством, склонных к экономическим преступлениям.

- Выявление лиц, собиравших во время нахождения в плену шпионские сведения об экономическом, политическом и военном положении СССР. Сбор и систематизация данных о сотрудниках разведок, разведшкол, борющихся против СССР контрреволюционных организаций, о крупных политических, военных, государственных преступниках. Разоблачение участников зверств и злодеяний, совершенных на территории СССР и других стран.

- Агентурное освещение политических настроений военнопленных и интернированных и их реакций на актуальные политические, социально-экономические события в стране, отношения к войне, социалистическому строю, советскому государству и народу. Выявление отдельных лиц и фашистских группировок, оказывающих противодействие антифашистской и политико-воспитательной работе.

Предотвращение несанкционированной переписки. В этих целях определялась вербовка среди военнопленных и интернированных агентуры с перспективой ее первоначального использования на политической и антифашистской работе в лагерях, спецгоспиталях, а затем и за границей.

- Организация агентурно-оперативных мероприятий среди окружающего лагеря, ОРБ и спецгоспиталя местного населения, лагерного персонала, работников производства и военнопленных для предотвращения побегов и иных нарушений лагерного режима.

- Охрана в лагерях социалистической собственности, борьба с расхитителями, финансовыми преступлениями, разглашением государственной тайны.

- Предотвращение преступной связи между личным составом лагерей и гражданским населением на производстве с военнопленными и интернированными.

- Вскрытие фактов нарушений служебной, воинской дисциплины и антимоラルных действий личного состава¹.

Данные задачи обусловили необходимость обеспечения всех производственных подразделений, где применялся труд военнопленных, агентурой и осведомителями из их числа, а также рабочих, соприкасающихся с ними на предприятиях. Эти мероприятия должны были способствовать улучшению организации производственной деятельности лагерей.

*Маркдорф Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории.
E-mail: nmmark@mail.ru*

Впервые порядок и организацию единой системы оперативного учета контингента лагерей определяли «Инструкция НКВД СССР особым отделам лагерей для военнопленных по оперативному учету военнопленных» от 19.09.1939 г. и Директива НКВД СССР по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных от 08.10.1939 г., в которых ставились задачи создания агентурно-осведомительской сети и ее охвата всего контингента для освещения политических настроений «однополчан по признакам землячества и выявления участников военно-фашистских, националистических организаций, провокаторов бывшей царской охранки, кулацких и антисоветских элементов». Были определены и другие глобальные задачи – предупреждение как групповых, так и единичных побегов и предотвращение саботажа². К анализу оперативной деятельности НКВД СССР обратился в январе 1943 г. На каждого проходившего по делам-формулярам информация поступала в 1-й Спецотдел НКВД СССР для учета всевозможного «антисоветского элемента». Констатируя крайне негативное состояние агентурной работы и необходимость ее улучшения, стали учитывать специфические психологические особенности и родственные связи военнопленных, а также глубоко и всесторонне изучать объекты вербовки. Кроме того, устанавливалась еженедельная отчетность начальников лагерей перед УНКВД СССР по делам военнопленных и интернированных с одновременной фиксацией полученных оперативным путем личных и производственных связей военнопленных³.

С декабря 1944 г. по июль 1946 г. агентурно-оперативная и следственная деятельность проводилась Отделами контрразведки «СМЕРШ» НКВД ЗапСибВО в проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) №0314 и №0315 Кемеровской области, а также в лагерях для военнопленных Новосибирской, Тюменской областей и Алтайского края. Работа ОКР СМЕРШ в ПФЛ №0315 (Прокопьевск) характеризовалась следующими данными. Всего за полтора года существования ПФЛ №0315 в Прокопьевске Кемеровской области проверкой было охвачено 26917 чел., выявлено 12030 активных немецких пособников и лиц, служивших в немецких строевых формированиях, 14375 чел. переданы в угольную промышленность, 442 дела заведены по окраске «шпионаж»⁴. В процессе проверки контингента обращалось серьезное внимание на подбор работоспособной агентуры, ее правильную расстановку и эффективное использование при разработке подучетного контингента. Для этого было завербовано 755 чел. (22 агента, 6 резидентов, 727 секретных осведомителей). Основными метода-

ми и средствами изучения контингента военнопленных являлись активные допросы в процессе фильтрации с целью выявления вражеской агентуры, военных и государственных преступников.

В результате по спискам и ориентировкам выявили 483 чел., имеющих существенное сходство с разыскиваемыми преступниками, а после проведения комплекса агентурно-оперативных мероприятий установлена тождественность 145 чел., враждебная деятельность которых подтверждалась документально. Среди арестованных были разоблачены 71 агент, 18 членов двенадцати контрреволюционных организаций, таких как: Русский общевоинский союз (РОВС), Национальный трудовой союз нового поколения (НТСНП), Политический центр борьбы с большевизмом (ПЦБ) и др., 16 чел, обучавшихся и преподававших в разведывательно-диверсионных школах. При фильтрации прибывших военнопленных из Каира агентурным путем была выявлена группа узбеков, являвшихся агентами немецкой разведки, проходивших специальную подготовку в разведывательной школе Доуберец (предместье Берлина)⁵. По показаниям арестованных прошло 152 чел. финских агентов и официальных сотрудников, материалы на которых выделили в особое производство. В июне-июле 1945 г. в лагере №525 для военнопленных (Кемеровская область) раскрыта и арестована группа агентов, окончивших разведывательно-диверсионную школу в Толмеццо (Италия), именуемую также «Группой атамана Доманова», в количестве 6 преподавателей и 34 курсантов⁶.

В июле-августе 1945 года в ПФЛ №0315, расположенный в г. Прокопьевске Кемеровской области, прибыли для оперативной фильтрации 18188 человек, или около 52% переданного в г. Юденбурге Советскому правительству на основании Ялтинских соглашений командованием союзных войск репатриантов. В августе-декабре 1945 г. все власовцы и белоэмигранты были подвергнуты тщательной проверке на предмет выявления враждебных элементов, относящихся к различным разведорганам и контрреволюционным организациям. В процессе фильтрации репатриантов вскрывали их связи через территориальные органы НКВД по месту жительства и последнего пребывания подучетного контингента.

По состоянию на 25 августа 1945 г. на территории Кемеровской области в ПФЛ №0315 и лагере №525 НКВД СССР для военнопленных содержались: «власовцы» – 17 857 человек; «белоэмигранты» – офицеры и солдаты Русского охранного корпуса – 331 человек; 775 женщин из семей власовцев и белоэмигрантов и 289 детей. Из них только за август 1945 г. агентурной разработке были подвержены 612 человек, арес-

товано и предано суду – 19 “старых” эмигрантов. По определению контрразведки СМЕРШ Западносибирского Военного Округа около 50% из вновь прибывшего контингента являлись в прошлом активными немецкими пособниками (участники разведшкол и контрреволюционных организаций, активных борцов против Советской власти), а также военнослужащими национальных строевых формирований вермахта, частей Походного атамана Казачьего стана генерал-майора Т.Н. Доманова, 15-го Казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Хельмута фон Паннвица, Казачьего учебного и резервного полков под командованием генерала А.Г. Шкуро, а также Русского корпуса генерал-лейтенанта Б.А. Штейфона и полка СС “Варяг” под командованием полковника М.А. Семенова⁷.

В “карантине” был произведен отбор всех немцев и офицеров различных национальностей, которых распределили (за исключением уже выявленных военных преступников) в территориально близкие лагеря для военнопленных МВД СССР. В Западной Сибири старший офицерский состав власовцев и эмигрантов принял лагерь №525 для военнопленных (Сталинск, Киселевск, Прокопьевск), в котором часть лагерных отделений к 1945 г. содержали режимный контингент. Остальных рядовых власовцев вместе с семьями (женщины и дети) после проведенной до мая 1946 г. фильтрации перевели в постоянные кадры угольной (Кемеровская область), деревообрабатывающей промышленности и на железнодорожное строительство (Тюменская область) с режимом спецпоселения сроком на 6 лет. Дети-сироты направлялись на содержание в спецприемники и детские дома (Сталинск, Тюмень) до их совершеннолетия, затем – на поселение. Молодежь старше 14 лет и женщины, которые по оперативным соображениям не подлежали передаче в промышленность, определялись вместе с их детьми для дальнейшей оперативной разработки в ведение ОКР СМЕРШ г. Прокопьевска и г. Сталинска (Новокузнецка) и содержались в лагерных отделениях лагеря №525 МВД СССР на правах военнопленных. В этих лагерных отделениях указанная категория белоэмигрантов находилась до середины 1949 г.⁸ Агентурно-следственная разработка данного контингента проводилась постоянно. Более половины власовцев активно использовались на допросах, в судебных процессах в качестве свидетелей, находились под судом, часто перебрасывались из лагерного отделения в тюрьмы Прокопьевска, Киселевска, Сталинска и обратно в лагерь. Целью оперативной работы являлись сбор доказательств вины и осуждение как врагов Отече-

ства. В ходе следственных мероприятий ОКР СМЕРШ ЗапСибВО и впоследствии (со 2-й пол. 1946 г.) оперчекистскими отделами на всех белоэмигрантов без исключения и частично рядовых власовцев были заведены дела-формуляры по категориям: “шпион немецкий”, “шпион итальянский”, “шпион английский”, “курсанты и преподаватели диверсионных школ и разведорганов”; “предатели”; “перебежчики”, “пособники”; “юристы”; “участники контрреволюционных организаций”; “лица, родившиеся и проживавшие в эмиграции, семьи белоэмигрантов”⁹. Например, за 1947-1948 гг. были закончены следственные дела на 223 белоэмигранта, из числа власовцев и белоэмигрантов 461 дело оформлено на Особое Совецание МВД СССР. С июня по декабрь 1948 г. осуждены судом Военного трибунала 99 человек и переведены для отбытия наказания в тюрьму №3 г. Сталинска (Новокузнецка), в ИТЛ Междуреченска¹⁰. Кроме того, была разоблачена агентура и официальные работники разведывательных и контрразведывательных органов (52 чел.), таких как: “Цеппелин”, “Абвергруппы 103, 201, 202, 205”, “Зондергруппа Петер”, “1-С” Домановской армии, “Школа пропагандистов РОА”, “Ягд-команда” и другие. Выявлены: 335 руководителей и участников различных контрреволюционных организаций: “РОВС”, “Национального трудового союза Нового поколения”, “Союза участников великой войны”, “Союза казаков-комбатантов” и других¹¹.

О характере следственных дел, заведенных на протяжении 1944-1946 гг. на эмигрантов в Кемеровской области, можно составить представление по докладным запискам ОКР СМЕРШ ЗапСибВО. В качестве примера приведем извлечение из одного дела-формуляра. Действительный тайный советник гражданского ведомства (равно генерал-майору), 1873 года рождения, доктор геологических наук, вместе с Врангелем в 1920-м бежал за границу. В 1910 г. с целью эксплуатации открытых им кемеровских угольных месторождений сотрудничал с французской фирмой “Научное общество” и при ее содействии организовал и возглавлял французскую концессию “Акционерное общество кузнецких угольных копий”. В эмиграции жил в Сербии. В качестве консультанта по разработке угольных месторождений побывал в различных европейских странах. В 1944 г. в Праге вступил в антисоветскую группу, возглавляемую генералом Татаркиным, ратовавшую за восстановление монархии в России. Судьбе было угодно, чтобы он вернулся в Кузбасс, но уже в качестве военнопленного. Отбывал срок первоначально в лагере №525 (Сталинск), а затем в Красногорском

лагере №27 в Подмосковье. В 1955 г. уехал в Канаду, где и дожил до глубокой старости. В третий раз в Кузбассе побывать не довелось¹².

Оперативно-чекистские отделы и отделения по делам о военнопленных и интернированных, на которые возлагались функции агентурно-оперативной, следственной, антифашистской и воспитательной работы, формировались в лагерях для военнопленных на основании Директивы №28/11/89 от 23.01.1945 г. и в соответствии с приказом НКВД СССР №0014 от 11.01.1945 г. при УНКВД краев и областей¹³. В период массового поступления контингента в Западносибирском регионе организация агентурно-осведомительской сети была затруднена по целому ряду причин. Во-первых, лагеря испытывали острый дефицит переводчиков. Во-вторых, большинство из них были антисоветски настроены и, следовательно, не желали сотрудничать с оперативно-следственными органами. Поэтому в этот период подбору подходящей агентуры из военнопленных уделялось самое пристальное внимание. В-третьих, оперативные отделы отмечали “низкое качество” и квалификацию агентуры и осведомителей, а соответственно, неспособность решать возлагаемые на них надежды и задачи. В-четвертых, неблагополучие по финансовым показателям всех западносибирских лагерей, широкий размах воровства и растрат, неуклонный рост служебных преступлений требовали незамедлительного развертывания широкой сети агентурной и оперативно-розыскной деятельности по выявлению, предотвращению хищений личным составом и военнопленными. Небрежность и халатность при составлении отчетных финансовых документов, отсутствие квалификации у бухгалтеров, недостаточный контроль и попустительство со стороны управленческого аппарата создавали благоприятную почву для махинаций, что в значительной степени осложняло и без того непростое финансовое состояние лагерей¹⁴. Так, например, во всех производственных лагерях из года в год хищения продовольствия, обмундирования, как и финансовые недостатки, резко увеличивались. Если сумма недостач только в одном из западносибирских лагерей в 1946 г. равнялась 35 тыс. руб., в 1 квартале 1947 г. – 79 тыс. руб., то в 1948 г. она составила 132 тыс. руб. и к 1949 г. достигла 141 тыс. руб.¹⁵. Аналогичная картина складывалась и в других сибирских лагерных отделениях и спецгоспиталях.

С целью организации контроля над работой материально-ответственных лиц по инициативе оперативных отделов начиная с 1946 г. начали проводить внезапные детальные ревизии с привлечением осведомительских кадров. Все заве-

денные следственные дела по хищениям и растратам материальных ценностей производством были закончены в минимальный срок и передавались в суд с привлечением виновных к уголовной ответственности. В 1946-1947 гг. стали действовать специальные комиссии с участием агентуры и уполномоченных оперотделов лагерей, производившие документальные ревизии всех транспортных служб, после чего был решен вопрос о привлечении к уголовной ответственности целого ряда преступных групп, состоящих из вахтеров, отдельных представителей администрации и хозяйственников, уличенных в незаконной реализации на рынках бензина и иных материальных лагерных ценностей¹⁶.

В январе 1946 г. созданы оперативные группы из числа личного состава для ведения ближнего розыска беглых военнопленных. С этой же целью из среды окружающего лагеря населения были сформированы базы содействия (БС). В феврале-марте 1946 г. все объекты работ военнопленных в Западносибирском регионе были закрыты противопобеговой агентурой, а в апреле 1946 г. создана осведомительская сеть из числа окружающего лагеря местного населения и граждан, общающихся с военнопленными на объектах работ. К октябрю 1946 г. их количество достигает 48 чел.¹⁷. Благодаря предпринимаемым усилиям о многих побегах становилось известно заранее. Однако полностью решить проблему с ликвидацией и предупреждением побегов военнопленных ввиду многочисленных нарушений охраны и режима решить не удалось.

Судя по архивным документам, по состоянию на 01.06.1945 г. агентурно-осведомительской сети среди личного состава в лагерях Алтайского края не имелось. Однако в течение 4-го квартала 1945 г. было завербовано 27 секретных осведомителей. В дальнейшем их количество увеличивалось до конца 1946 г. и сократилось ввиду ликвидации лагеря № 36 (Чесноковск). При этом предусматривалось “закрытие” осведомителями и агентурой всех подразделений в лагерях и спецгоспиталях.

Формирование агентурной сети из военнопленных в Алтайских лагерях началось только во второй пол. 1946 г.¹⁸. Преимущество при вербовке отдавалось лицам, знающим русский язык (переводчики), а также с учетом идеологических убеждений (сторонники социализма, репрессированные по политическим мотивам на родине, члены коммунистических партий), социального происхождения (выходцы из рабочих и крестьянских семей, интеллигенция), образованности, наличия авторитета среди военнопленных, коммуникативных и иных (выдержанность, требовательность, аккурат-

ность, ответственность, преданность) личностных качеств. В качестве примера можно привести несколько характеристик японских агентов, завербованных в лагере №36 (Чесноковск). Агент “Хирано”, 1918 г.р., уроженец Токио, из семьи военнослужащего, с высшим образованием (археолог), хорошо владел русским, английским, немецким и китайским языками, приобретенными в спецшколе Харбина. В лагере использовался как переводчик. “Своей работой содействовал укреплению трудовой дисциплины военнопленных и оказывал большую помощь руководству в выполнении производственных заданий. Изъявил желание после окончания пленения остаться на постоянное жительство в СССР и поступить учиться в университет. Положительно отзываясь о Советском государственном строе, коммунистической партии и имеет большое стремление к изучению истории ВКП (б). Отрицательно настроен к правительству Японии во главе с Иосидо. Отец агента – лицо влиятельное в Японии и имеет широкие связи в правительственных кругах”¹⁹. Агент “Артур” хорошо ориентируется в окружающей обстановке, выдержан, но недостаточно откровенен, что объяснял боязнью японских офицеров, “исключительно осторожен, но словоохотлив и находчив”²⁰.

На основании анализа агентурно-оперативных и следственных дел можно констатировать, что, несмотря на немногочисленный состав, агентура и осведомители среди личного состава (до 17% в 1946-1947 гг.) и военнопленных (0,28-0,3%) использовались достаточно эффективно. Например, за вторую пол. 1945 г. - начало 1947 г. было получено около 200 оперативных донесе-

ний в лагерях Алтайского края, заведено около 50 уголовных дел, 92 чел. привлечены к различным срокам уголовной ответственности²¹. Основной характер дел в отношении личного состава это: шпионаж, клеветническая пропаганда, антисоветские настроения, хищения, промот лагерного имущества, злоупотребления служебным положением, связь с военнопленным контингентом и другое.

Директивой НКВД СССР №66 “Об усилении агентурно-оперативной и следственной работы в лагерях НКВД среди военнопленных и интернированных по предупреждению вредительства и саботажа на производстве” от 18.03.1946 г. и последующей директивой МВД СССР №50 от 11.03.1947 г. “Об усилении борьбы с членовредительством и симуляцией среди военнопленных и интернированных” подчеркивалась настоятельная необходимость обеспечения всех производственных подразделений (бригад, рабочих батальонов) действенной агентурой не только в среде военнопленных, но и осведомителей среди вольнонаемных работников на участках, где применялся труд подневольного контингента. Предлагалось “неблагонадежных” лиц, склонных к совершению диверсий, переводить на второстепенные объекты, во вспомогательные цеха и на подсобные работы²². В обязанности агентов вменялись наблюдение за количеством и качеством производственных заданий, выявление исполнителей диверсионных актов, злостных саботажников и “реакционных групп”, а также гражданских лиц, имеющих “несанкционированную” преступную связь с пленными на работах. Были предложены специальные меры предосторожности по недопущению эксцессов в

Таблица 1. Количество осведомителей в лагерях МВД СССР для военнопленных и окружающего их населения на территории Алтайского края

Дата	Военнопленные агенты (чел.)				Осведомители среди личного состава (чел.)				Осведомители среди местного населения (чел.)		
	511	128	36	Итого	511	128	36	Итого	511	128	36
4-й кв. 1945	0	0	0	0	16	8	3	27	0	0	0
01.01.1946	0	0	0	0	15	10	6	31	0	0	0
1.04.1946	0	0	0	0	11	30	15	65	2	0	5
01.07.1946	5	5	2	12	32	46	10	88	12	11	13
01.10.1946	7	5	5	17	32	41	23	96	17	13	18
01.01.1947	15	9	5	29	26	46	23	95	12	11	13
01.04.1947	15	9	0	24	10	13	0	23	13	11	0
01.07.1947	7	11	0	18	9	12	0	21	3	5	0
01.10.1947	13	11	0	24	14	12	0	26	3	7	0
01.01.1948	15	13	0	28	17	14	0	31	6	7	0
01.04.1948	15	14	0	29	18	16	0	34	6	8	0

¹ Составлено и рассчитано по: РГВА. Ф.1п. Оп.17а. Д.5. Л.98-99. ИЦ ГУВД АК. Ф.11. Оп.1. Арх.1. Л.2-3, 17-18, 21, 23-24, 37, 54, 66-67, 83-84, 101-102, 121-122, 129-130, 143-144.

виде голодовок, членовредительства, умышленной порчи оборудования, “промота” лагерного имущества, созданию осведомительской сети среди проживающего рядом с лагерями местного населения.

Практически на всех производственных участках и лагерях в Западносибирском регионе с помощью агентуры, осведомителей и антифашистского актива были выявлены факты систематического срыва военнопленными производственных заданий. В ходе оперативно-следственных мероприятий УНКВД по Кемеровской, Новосибирской, Тюменской областям и Алтайскому краю зафиксирована подрывная деятельность целого ряда групп, выражавшаяся в явном и скрытом саботаже, уклонении от выполнения норм выработки, открытой и подпольной агитации, профашистской пропаганде. Например, по агентурным данным, военнопленный Адлик (Кемеровская область) призывал: “Вы должны понимать, что вы работаете на вечных ваших врагов – русских... Давайте срывать подошвы со своей обуви, а босых нас на работу не пошлют”²³.

В послевоенные годы “подпольная” деятельность военнопленных приобретала во многом политический характер. Так, в лагере №199 (Новосибирская область) была обезврежена фашистская группировка в составе офицеров вермахта, которые вели враждебную работу среди военнопленных, призывая их к срыву производственных заданий. Руководитель группы Мартин заявлял агенту: “Нам нужно объединить больше фашистских сил, чтобы легче организовывать саботаж”. Разъясняя задачи борьбы на ближайшее время, Мартин сформулировал их следующим образом: “Во-первых, группа будет не выполнять приказы штаба лагеря. Вести себя при этом нужно вежливо, распоряжения командования лагеря принимать без возражений, а на деле их срывать”. С той же целью он принял практические меры к освобождению от работы как можно большего числа военнопленных под видом болезни, для чего установил связь с военнопленными врачами, с помощью которых выписывались фиктивные освобождения от работы. Агент “Петр” по этому делу доносил: “Ко мне явился капитан Мартин с предложением работать против русских...”²⁴.

Особенно высокие показатели скрытого и явного саботажа, диверсионной деятельности были зафиксированы на предприятиях в угольной, машиностроительной, лесной промышленности Западносибирского региона, где условия труда были наиболее тяжелыми, а рабочий день достигал 12 часов. В течение 1945-1947 гг. в Кузбассе были ликвидированы 63 диверсионно-вредительские группы, в состав которых входили 217 военнопленных. На территории Алтайского

края (лагеря №№36, 128, 511) раскрыты 15 групп (40 чел.), причем большинство из них было создано с целью побегов, в Тюменской области выявлены 16 групп по организации саботажа, идеологической и политической борьбы и подготовки побегов²⁵.

По ряду дел материалами следствия было установлено, что немецкое командование перед капитуляцией предписывало офицерам в случае пленения заниматься диверсионной деятельностью. Так, в мае 1945 г. содержащийся в лагере №526 военнопленный Шехтель Герман Гюнтер, будучи допрошен как участник зверств, чинимых на оккупированной территории, показал: “Еще до сдачи в плен в мае 1945 г. по дивизии СС “Мертвая голова” был издан приказ, на основании которого все офицеры, находясь в плену у русских, должны организовать саботаж, диверсии, вести шпионскую, разведывательную работу, т.е. вредить как можно больше”. С целью срыва нормальной работы шахты военнопленные Вернер Ганс и Шенкнехт Альфред (лагерь № 503), работая на шахте “Новая” треста “Ленинуголь”, по обоюдному сговору в ночь на 29 октября 1946 г. срезали ленту конвейерного транспортера, в результате чего подача угля была прекращена на 8 часов²⁶. В ходе проведенных агентурных, оперативных и следственных мероприятий на участках в железнодорожном строительстве были вскрыты две фашистских группировки численностью 15 чел., возглавляемые немцами и венграми, уличенными в “клеветнических разговорах о советской действительности и призывах к срыву производственных планов”²⁷.

Отправной точкой роста негативных настроений и развития нелегальных организаций в западносибирских лагерях и спецгоспиталях стала проводившаяся массовая репатриация 1945-1949 гг., вызвавшая волну умышленного членовредительства и симуляции болезней. В этом отношении показательным является “дело Нисслера” (лагерь №93, Тюмень), похитившего на заводе 5 кг соли и пытавшегося с ее помощью вызвать отечность рук и ног. Привлеченный к уголовной ответственности Нисслер в преступлении вину признал и был осужден Военным трибуналом войск НКВД по Тюменской области к 5-ти годам лишения свободы. Характерно, что до открытого и показательного судебного процесса количество больных с отеком конечностей доходило до 70 чел. и после вынесения приговора сократилось вдвое²⁸. Для предупреждения данного вида преступлений в лагерях были проведены конкретные практические мероприятия с дополнительной вербовкой агентуры среди врачей (вольнонаемных и военнопленных) и другого медицинского персонала, усилением разъяснительной работы со стороны

политотделов лагерей, антифашистских активистов, функционеров и комитетов, ужесточением цензуры по перлюстрации лагерной корреспонденции. По всем выявленным фактам виновные в обязательном порядке привлекались к уголовной ответственности, приговоры трибуналов публично оглашались перед строем²⁹. В 1945-1949 гг. за саботаж в лагере и “преступления против советского народа” к судебной ответственности привлечены только в одной Кемеровской области 336 чел.³⁰

Так как проводившаяся репатриация не отвечала ожиданиям большинства контингента лагерей, то сопротивление и враждебность среди отстраненных от репатриации в 1948-1949 гг. военнопленных и осужденных военных преступников получили большой размах. С одной стороны, само ожидание освобождения, а с другой – концентрация в лагерях массы действительно непримиримых врагов социалистической системы толкали теперь уже на открытые проявления агрессии и протеста. Агентурные сводки в этот период в буквальном смысле “пестрят” негативными умонастроениями в среде контингента лагерей.

В 1947 г. СССР приступил к отправке на родину первых немногочисленных партий ударников труда и антифашистов. Однако количество передовиков производства не превышал 14%, поэтому ударный труд для основной массы военнопленных гарантом освобождения не стал. Как следствие – оперативные отделы и антифашистские комитеты констатировали ухудшение морального климата и повышение негативных отношений к военнопленным, выполняющим и перевыполняющим производственные нормы. Однако по сравнению с японцами движение сопротивления в немецких лагерных отделениях было значительно выше, что во многом объяснялось национальными особенностями менталитета военнопленных бывшей Квантунской армии.

Оперативные отделы Управлений лагерей возлагали большие надежды на подконтрольные антифашистские комитеты, созданные в 1947 г. В своей основе их лидеры доверием среди контингента лагерей не пользовались, т.к. выполняли осведомительские функции, и поэтому сыграть существенной роли в предотвращении, разоблачении враждебных организаций и повлиять на улучшение агентурной работы не смогли. О фактах негативного отношения к антифашистскому движению свидетельствуют многочисленные угрозы в адрес его лидеров, фиксируемые агентурой и осведомителями по всем лагерям. В этой связи наиболее характерно высказывание военнопленного Вилли Мейстера: “...Было бы глупо превращать коммунистов в национал-социалистов, но почему же из нас насильно хотят

сделать антифашистов? Почему из меня хотят сделать настоящего борца за коммунизм. Приходится просто поражаться неразумности русских. Большинство русских ругают Гитлера, а сами забывают (называет Вождя народа), что он ограбил банк и сидел в тюрьме...”. Военнопленный Рихтер Адам: “Даже если Германия войну проиграла, и пока жив хоть один немецкий солдат, то он будет бороться против русских и видеть в каждом из них своего врага. Доверия к “кашистам” нет...”³¹. Чем активнее действовали “школы коммунизма” (антифашистские комитеты), тем активнее становилось идеологическое сопротивление их деятельности. Так, например, в период предвыборной кампании в антифашистский комитет в лагере №93 Тюменской области была разоблачена профашистская группа, состоящая из офицеров, инженеров и военнопленных врачей, считающих себя членами КПГ, пытавшихся повлиять на ход выборов и распространяющих листовки с призывами “научить русских демократии”³².

Подводя итоги, можно констатировать, что агентурно-оперативная и следственная работа по раскрытию экономических преступлений, предотвращению и ликвидации недочетов в организации режима содержания и побегов существенным образом влияла на эффективность труда контингента лагерей. На основании анализа архивных материалов можно констатировать, что, несмотря на немногочисленный состав, агентура и осведомители среди личного состава и военнопленных использовались достаточно продуктивно. В обязанности агентов и осведомителей из числа вольнонаемного персонала кроме прочих входили наблюдение за количеством и качеством производственных заданий, выявление и предотвращение диверсионных актов и саботажа. Антифашистские комитеты, выполняющие также осведомительские функции, во многом способствовали снижению показателей производственного травматизма, срывов производственных заданий. Однако “воспитание” новых сторонников социалистического строя происходило с большим трудом и зачастую наталкивалось на непонимание, скрытое сопротивление, а иногда открытую конфронтацию и реваншистские настроения контингента лагерей. Тем не менее, с помощью активных агентурно-оперативных мероприятий в лагерях, спецгоспиталях, рабочих батальонах удалось предотвратить организацию нацистского подполья, о готовящихся побегах и диверсиях становилось известно заранее, что, безусловно, повлияло на укрепление режима и организацию трудового использования военнопленных в Западносибирском регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский Государственный Военный Архив (далее – РГВА). Ф.1 п. Оп.17 з. Д.2. Л.208-209.
- ² РГВА. Ф.1 п. Оп.1 е. Д.1. Л.10-13; Ф.451 п. Оп.1. Д.1. Л.22-27.
- ³ Информационный Центр Главного Управления Внутренних Дел Алтайского Края (далее - ИЦ ГУВД АК). Ф.17. Оп.1. Арх.21. Л.51-52.
- ⁴ Информационный Центр Главного Управления Внутренних Дел Кемеровской области (далее - ИЦ ГУВД КО). Ф.11. Оп.1. Д.5. Л.210-211.
- ⁵ Там же. Л.221 (об.).
- ⁶ Там же. Л.213.
- ⁷ Там же. Л.29.
- ⁸ ИЦ ГУВД КО. Ф.11. Д.3. Л.13 (Приказы по Управлению лагеря №525 за 1945 год).
- ⁹ Государственный Архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф.9401. Оп.2. Д.779. Л.45-46.
- ¹⁰ Там же. Л.161.
- ¹¹ ИЦ ГУВД КО. Ф.11. Оп.1. Д.5. Л.214-215.
- ¹² Там же. Л.352. О его судьбе есть сведения в книге воспоминаний участницы событий в Лиенце (Австрия). См.: *Шипулина Е.Я.* Лиенц – казачья голгофа. 1945-2005. Оттава, 2005.
- ¹³ РГВА. Ф.4 п. Оп.5. Д.15. Л.131.
- ¹⁴ Военнопленные в СССР. 1939 -1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорюлько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; Под ред. М.М. Загорюлько. М.: Логос, 2000. С.365-368.
- ¹⁵ Архив Новокузнецкого краеведческого музея (далее – Архив НКМ). Ф. НФ-Д. Оп.1. С.12, 43. (Доклад о деятельности лагеря для военнопленных №525 МВД СССР за период 1945-1949 гг.).
- ¹⁶ ИЦ ГУВД КО. Ф.11. Оп.1. Д.5. Л.75.
- ¹⁷ ИЦ ГУВД АК. Ф.17. Оп.1. Арх.21. Л.14, 24.
- ¹⁸ Там же. Л.37-46.
- ¹⁹ Там же. Л.41.
- ²⁰ Там же. Л.45.
- ²¹ Подсчитано по: ИЦ ГУВД АК. Ф.17. Оп.1. Арх.21. Л.97-118.
- ²² ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.842. Л.41-42.
- ²³ ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.834. Л.203.
- ²⁴ Там же. Л. 205.
- ²⁵ Подсчитано по: РГВА. Ф.1 п. Оп.15 а. Д.351. Л.67-68; ИЦ ГУВД АК. Ф.17. Оп.1. Арх.21. Л.67-68; Информационный Центр Главного Управления Внутренних Дел Тюменской области (далее ИЦ ГУВД ТО). Ф.21. Оп.1. Д.17. Л. 65-77.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2664. Л. 399-404.
- ²⁷ Там же. Л. 404.
- ²⁸ ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.777. Л.158-164.
- ²⁹ ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.834. Л.205.
- ³⁰ РГВА. Ф.1п. Оп.15 а. Д.352. Л.46.
- ³¹ ИЦ ГУВД АК. Ф.17. Оп.1. Д.22. Л.20 (об.), 116-117.
- ³² РГВА. Ф.124 п. Оп.1. Д.6. Л.135-141.

**SPECIFICITY OF SECRET SERVICE, OPERATIVE AND INVESTIGATORY WORK
IN THE USSR NKVD-MVD CAMPS OF WESTERN SIBERIA (1943-1950)**

© 2010 N.M. Markdorf

Kemerovo State University, Novokuznetsk Branch

On a basis of unpublished archival materials the author analyzed the organization, specificity and role of investigation and intelligence work in the camps of the world war prisoners and special NKVD-MVD hospitals located in Western Siberia (1943-1950). The author reveals aims of SMERSH and operational departments' activity in those camps and hospitals, presents data on anti-Soviet underground groups of the world war prisoners who called for sabotage in the workplace, were involved in wrecking and showed a tendency towards economic crimes and prison-breaking. Personal references of war prisoners-agents are considered. The reasons of the antifascist movement failure to improve intelligence work are revealed. The author comes to a conclusion that active intelligence actions in camps, special hospitals, working battalions helped to prevent the organization of a Nazi underground; information about planned breakouts and diversions became known in advance. These factors, certainly, promoted strengthening of the regime and more effective organization of war prisoners' labor in the West Siberian region.

Keywords: prisoners of war, NKVD-MVD camps and special hospitals, Western Siberia, secret service and operational activities, SMERSH, operative department, investigation files, sabotage in workplace, antifascist committee.